

ЗАКУСОЧНАЯ «ФЕНИКС»

Илья Куприянов

Закусочная «Феникс»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21535642

Аннотация

Главный герой этой истории – бармен, работающий в обычной закуской «Феникс», являющейся своеобразным убежищем от серости для жителей города: кто-то оказывается в ней случайно, а кто-то ходит годами – так или иначе, спокойное течение жизни закуской нарушается Арендодателем: владельцем площади «Феникса», который хитрым способом хочет отнять её у владельца. Вот тогда и начинает выясняться, что закусочная – это нечто большее, чем стены и столики; а её посетители, чьи истории и мысли читатель видит глазами бармена, имеют нечто общее и причастны к чему-то большему, сами того не зная.

Эта повесть тоже нечто большее, чем повествование о неделе, по истечении которой закусочную отберут у её владельца. Она масштабна и лаконична одновременно, она отвечает на вопросы, при этом оставляя возможность читателю самому прояснить картину окончательно. Истории, которые рассказывают посетители «Феникса» – это точки зрения на жизнь и её смысл. Их мнения разнятся, и читатель может выбрать любое из них – или не выбирать вообще: повесть не говорит, что истинно, а что нет; не учит жить и не навязывает философию – правильным будет то, что вынесет для себя тот, кто прочтёт

до конца эту запутанную историю, в которой каждый персонаж влияет на судьбу каждого: и на судьбу закуской, которая их объединила.

ЗАКУСОЧНАЯ «ФЕНИКС»

Иногда, задумавшись, я поражаюсь, насколько сильно жизнь человека зависит от жизни тысяч других людей; насколько события, не касающиеся его лично, могут поменять его распорядок дел; вместе с этим, частные занятия и случаи в судьбе одного могут перевернуть ход жизни этих самых тысяч!

Свяжите сотню людей нитками – и Вы поймёте, о чём я говорю: споткнувшись, один утянет за собой остальных, рвущиеся в разные стороны люди не пройдут и метра, и только скоординировавшись они смогут существовать в подобном состоянии без относительных неприятностей.

Это и есть судьба? Кто-то согласится и будет покорно следовать туда, куда ведёт его клубок, кто-то скажет, что это бред и просто снимет с себя нитку, создавая таким образом свою, особую судьбу, независимую от прихоти третьих, неведомых сил – любой выбор будет правильным, но настоящего ответа не получит никто.

Ведёт ли нас судьба, ведём ли мы себя сами – я тоже не в силах найти ответ: впрочем, я его и не ищу. Я не философ, не учёный – я просто бармен, владелец закусочной «Феникс», которая, зайдя Вы к нам, западёт в Вашу душу.

Я держу её не из-за выгоды – доходы покрывают расходы практически равномерно, в положительном остатке оставляя

деньги на обычную, среднего – но вполне достойного! – качества жизнь: а что ещё нужно в 45, если ты не женат?

Мне нравится помогать людям. Серьёзно: мне кажется, что в наш век искусственного интеллекта, ядерного оружия и бесконечных потоков информации, люди должны лишь сильнее тянуться друг к другу, дабы не забыть, что они не звери. Но нет: мы воюем, мы обманываем, мы убиваем из-за несоответствия взглядов.

Причем помогать мне нравится не только болтовнёй – знаю я эти стереотипы, исходя из которых бармены нужны лишь для того, чтобы, протирая какой-нибудь стакан для виски и хмуря брови, смотреть на фотографию, принесённую детективом, и потом, тяжело вздохнув, говорить: «Я знаю его».

Так вот у меня иначе! Мне нравится держать в меню салат из рукколы, котируемый единственной семьёй в городе – насколько помню, они выходцы из Италии; нравится готовить особый, ядрёно-крепкий кофе для пожелавшего такой особенности клиента – редактора местной типографии, чьи комментарии после такого кофе становятся по-настоящему едкими; нравится гибкость меню, которое позволяет комбинировать блюда, исключая неприемлемые или нелюбимые за-всегдаемыми продукты – кем бы Вы ни были, в «Фениксе» Вы почувствуете себя, как дома, вот только после еды не нужно будет мыть посуду.

Хотя и поговорить с кем-нибудь, обсудить их проблемы,

что-то посоветовать я тоже люблю.

Я как Пушкин: знаю в лицо почитателей своего ремесла. Ему стихи, мне – яичница с беконом, но мы оба любимы и оба счастливы, что наше дело разжигает в людях огонь. Как сказал один мой старый товарищ, нет смысла любить сам процесс поедания пищи, который, будучи естественным и необходимым для существования, в наш век почему-то превратился в культ; но вот вкусно поесть не любить нельзя: а вместе с хорошей едой рождается и хорошее настроение.

Скажете, простовато? Несколько, что ли, по-деревенски? Так ведь я рос в деревне: и раньше о существовании таких больших городов и не знал. Было голодное время, родители едва сводили концы с концами, пытаясь прокормить шумную ораву голодных ртов, одним из которых был я.

И ничего, прожили ведь! Армия, институт, частный бизнес – и вот родителей уже кормлю я, иногда посылая открытки братьям и сёстрам и получая открытки от них. Каждый занят своим делом: кто-то стал архитектором, кто-то подался в науку, а что до меня, то я – здесь, в «Фениксе», наливаю пиво посетителям и говорю с ними.

Положа руку на сердце, выгоднее было бы эту закусочную продать: постоянных клиентов я по пальцам могу пересчитать, а теплое общение с ними не приносит лишних денег. Бывает, конечно, люди заходят по рекомендации того или иного завсегдатая, но, как сказал один хороший человек, о котором я расскажу позже, «проблема и особенность «Фе-

никса» в том, что в него либо влюбляешься с первого взгляда, либо просто оцениваешь, но как добротное местечко, коих в городе тысячи».

Люди банально не доходят до нас, оседая в соседних кафешках, ресторанах, забегаловках и сетях быстрого питания. Не все клиенты любят говорить, вслепую открываясь незнакомому человеку: и, в свою очередь, не все рестораторы и бармены придерживаются почитаемого мною негласного правила, согласно которому нужно уважать право клиента на личное пространство; а потому цепляются к людям с ненужными разговорами, отбивая у них охоту к повторению подобного опыта. Но дело даже не в этом – кто-то любит просто, без усложнений, сытно и вкусно поесть, и мне ли судить их за это?

Впрочем, приbedняться тоже не следует: наш городок – точнее, вполне себе город, миллионник, у которого есть история, предприятия и футбольный клуб – достаточно густо населён, чтобы людей хватило на все едальные заведения в городе. Проблема ведь не в наличии или отсутствии притока: тут дело в его стабильности. Закусочная – не палатка с цветами, находящаяся в анабиозе большую часть года и оживающая лишь под праздники; это капризный ребёнок, требующий не только постоянного ухода и внимания, но и немалых вложений на постоянной же основе. Более того – мне, как и моим братьям и сёстрам, порой – нечасто, но периодически – давался строгий приказ: дотянуть до условной даты «икс»

на условную сумму денег «игрек»: и тут плачь, кричи, бейся в истерике – сколько было запасено, столько и тратили; надо было – жили без копейки в кармане и без крошки хлеба во рту: выживали. Отвлекаясь от темы, замечу, что те времена окончательно укрепили во мне веру в то, что человеку гораздо легче справиться с трудностями в одной упряжке с окружающими, чем одному, восстав против всех.

Так вот, если мы, дети, выживали, коль денег не случилось тогда, когда их ждали, то с «Фениксом» история другая. Небольшие поломки могут потерпеть, грамотно припасённые припасы, если они не из разряда скоропортящихся, вполне заменяют те, что быстро закончились, премию уборщице можно разок и из своего кармана заплатить – всё так, но в ребёнке-закусочной есть одно большое «но»: сколько не ужимайся, если не хватило на оплату аренды, то можно смело готовить ключи на сдачу.

Я не виню арендодателей, даже не желая думать о причинах, по которым они так рьяно взыскивают со своих арендаторов оплату; я не ищу оправданий и не стремлюсь выставить себя жертвой системы. Я знал правила игры, от которой мог отказаться тысячу раз: когда только вступил в неё, когда «Феникс» впервые попытались у меня отнять, когда мне пришлось продать машину, когда я взял свой первый кредит...

Можно тысячу раз кивнуть на неблагоприятность судьбы, обвиняя её в том, что в правилах этих слишком много вели-

чин, зависящих от случая. Можно с умным видом говорить о курсе валют, цене на нефть и внешней политике страны, оправдываясь чужими просчетами. Можно ничего не говорить, покорно отдав ключи и выйдя из игры.

А можно бороться. Не люблю фразу «таким меня сделала жизнь», но другой, кроме неё, я, наверное, из-за какой-то деревенской ограниченности, подобрать не могу. Упрямству, порой безнадежному, меня никто не учил, конкретных примеров не давал, не говорил о цели, ради которой можно умереть: обычные напутствия родителей, плюс то, что я видел и запомнил – получите!

Я не борец с мирской несправедливостью, я бармен, но это не делает меня хуже и не отнимает права мечтать и бороться за свою мечту.

Прошу вас, не настраивайтесь против кредиторов и арендодателей: мы ходим с ними по одной земле и едим один хлеб: мир видал людей похуже, чем те, кто взыскивает – причём в 95% случаев абсолютно справедливо – деньги от чьего-то имени: то бишь, это не их личная прихоть! Взять меня – я не останусь без работы, если потеряю закусную, как не останутся без опеки мои родители или без поддержки единокровные братья и сёстры: «Феникс» является моей личной прихотью, за которую ответственен лишь я.

О его довольно замысловатой истории я расскажу подробнее.

Находится закусная на первом этаже многоэтажного

жилого комплекса, который на бумаге был запланирован вовсе не как жилая постройка, а как центральный штаб пожарной части нашего города. Было это в самом конце восьмидесятых, и если Вы хоть немного застали жизнь в стране в тот период, то поймёте, почему планы резко изменились.

После развала Союза здание приватизировали и хотели превратить в офисный центр – но снова возникла проблема: в стране грянул дефолт. В итоге верхние этажи продали строительной компании, а первый каким-то образом ухитрился сохранить мой арендодатель – сейчас, правда, он владеет лишь той площадью, которую занимает «Феникс», остальное ушло под приютившийся за стенкой супермаркет.

За три года до дефолта я, только что отслуживший выпускник областного ПТУ, затеял со своими армейскими приятелями небольшую авантюру: ввоз техники из Китая и последующая её продажа. Дела мы вели в долларах, поэтому по нам дефолт не просто не ударил – он обогатил нас, вложив в руки ключи к любой, даже самой дерзкой, мечте.

Будучи поваром по аттестату училища, по-настоящему я пристрастился к готовке только в армии, там же мне и пришла в голову мысль о том, чтобы открыть собственное заведение. К моменту обогащения идея прошла все стадии планирования, и от безумной мечты превратилась в логичный и чёткий план, который теперь можно было реализовать.

Первым делом я отучился в институте, получив базовые навыки ведения бизнеса. Во время учёбы я налаживал кон-

такты с потенциально важными для моего дела людьми: сыновья владельцев овощебаз, соучредители компаний-импортеров... Их услугами я пользуюсь до сих пор, а старое приятельство позволяет экономить на продуктах первой свежести и высшего качества.

На последнем курсе я узнал о необычном конкурсе, который организовало руководство города. Не желая прослыть отсталыми в какой-либо сфере, сильные мира сего объявили о том, что городу не хватает несетевых предприятий питания, в связи с чем учреждается конкурс, главный приз которого – патент на открытие такого предприятия.

То, как я боролся за этот патент, не нуждается в особом описании – как Вы поняли, я выиграл конкурс и открыл закусочную «Феникс», но счастливы оказались не все – бизнесмены, давшие деньги на это мероприятие, в конце ожидали получить помпезный ресторан, поэтому, придя в жёлто-оранжевую «забегаловку», как сказал тогда один из них, они долго ругали меня за отсутствие вкуса и понимания бизнеса, после чего гневно ретировались, угрожая отнять заведение.

Не получилось – да, мне пришлось взять огромный кредит, чтобы рассчитаться с навалившимся долгом, но всё же своего клиента «Феникс» нашёл. Благодаря своей уютной атмосфере, он быстро прослыл лучшим семейным заведением, в связи с чем к нам стали ходить толпы молодых семей, парочек, компаний. В лучшие времена, помню, приходилось

дозакачивать столы и расставлять их на улице, чтобы всем хватило места: так я быстро вернул кредит и начал накапливать деньги и репутацию.

Около пяти лет всё шло хорошо, однако затем грянул сначала 2008 год, а затем 2010 – и количество посетителей стало падать. Периодически я снова брал кредиты, время от времени выплачивая их, однако на былой уровень так и не смог вернуться: атмосфера атмосферой, но денег у людей стало ощутимо меньше, а продавать себе в убыток я не хотел. Впрочем, не будем о грустном – заходите внутрь, я расскажу Вам о «Фениксе» в деталях.

Что же такое «Феникс»? Для начала, это люди. Я, небольшая, но дружная команда персонала, и вы, посетители. Говоря о подобных заведениях, многие забывают о том, что главное – это не стильный интерьер, экзотическое меню или привлекательные манекены официанток. Несомненно, те, кто хотят прослыть лучшими из лучших, должны уметь совмещать эти и многие другие факторы вместе, но всё же самое важное – это живые, настоящие люди: как те, кто обслуживает и те, кого обслуживают.

Начнём с меня – ничем не примечательного российского мужика в расцвете сил с густой чёрной бородой, широкими плечами и сильными руками, которые одинаково хорошо умеют готовить бифштексы с кровью и лёгкие салаты из свежих овощей. Одеваюсь я довольно стандартно – джинсы, клетчатая рубашка и идеально белый фартук: я получаю ис-

кренне удовольствие, надевая его, хотя и подтверждаю таким образом ещё один стереотип о барменах.

Дальше идёт моя правая рука – Андрей Иванович. Ему около семидесяти, при Советах он был поваром в столичном отеле, однако волею 91 года он оказался у нас в городе, где долгое время скитался по забегаловкам, пока однажды не наткнулся на мою вакансию помощника шефа – да, я не шеф, но помощник мне был нужен позарез, а время было такое, что на формулировки не смотрели – было важно, что ты на самом деле умеешь, а как ты выглядишь и называешься – дело десятое.

Андрей Иванович за все эти годы ни капли не изменился, оставшись небольшого роста старичком с короткой белой бородкой и суровым взглядом. С самого первого дня он влюбил меня в своё мастерство готовки – честно признаюсь, я многому научился у него, даже будучи его боссом. Табель о рангах нужна тем, кто считает деньги, мы же люди искусства, посему не признаём званий и чинов – и связывает нас с ним настоящая дружба.

Единственное, что меня огорчает, так это молчаливость Андрея Ивановича, от которого в день редко можно услышать больше десяти фраз, не связанных с приготовлением того или иного блюда – но, полагаю, у него на то свои причины. Поболтать мне есть с кем – да хоть с уборщицами!

Это моя гордость и опора: уборщицы, которые в особо людные дни превращаются в официанток – где Вы ещё такое

видели? Благо, они достаточно трудолюбивы и хороши собой, чтобы совмещать две эти, казалось бы, несовместимые должности. Их всего трое и работают они в разные смены, поэтому видимся мы относительно редко – особенно сейчас, когда поток посетителей сильно уменьшился. Каждая из них является неповторимой по красоте и искренности жемчужиной – их уж точно не назовёшь куклами, которыми иные рестораторы увлекают похотливых стариков! Неправы те, кто считает, что в уборщицы – или официантки – идут лишь те, у кого не хватило ума пойти куда-то ещё: у каждой из девушек своя история и свои обстоятельства, в которые я не имею права лезть, но поверьте, дело не в безысходности и не в отсутствии навыков – они делают то, что приносит им удовольствие, и кто мы такие, чтобы их осуждать?

Но идём дальше – наши гости! Завсегдатаи и просто посетители «Феникса» – это разнородная, но при этом ни в коем случае не серая масса: большинство из них «Феникс» помнит и ждёт, да и я рад видеть знакомое лицо, которое снова показалось в дверном проёме. Надеюсь, однажды я увижу там и Вас.

И только сейчас, описав душу «Феникса», можно рассказать о его теле: внутреннем устройстве. Что же Вы увидите, зайдя к нам?

Начнём с моей обители: это небольшая стойка в форме буквы «Г», рядом с которой расставлены восемь стульев, привинченных к полу: три с торца и пять далее по перимет-

ру; параллельно им стоит бар, в котором бутылки алкоголя смешаны с книгами и картинами – в основном подарки посетителей, чуть дальше находятся дамская и мужская комнаты. «Торцевые» же клиенты видят чёрную занавеску: за ней находится небольшая кухня; за их спиной – окно, тянувшееся по всей длине закуской, справа – вход, слева – зал в шесть диванов, три из которых Вы увидите ещё с порога, а три других скрыты за стенкой: за ней же притаились три же столика на двоих.

Эта стенка скрывает посетителей бара от сидящих в зале и наоборот, давая одним возможность выпить столько, сколько просит душа, а другим – спокойно поужинать, расслабившись на мягких диванах. Впрочем, у неё был существенный минус – она закрывала обзор мне, первое время лишая столь приятного ощущения абсолютного контроля над ситуацией: а как может хозяин жить без уверенности в происходящем внутри своей закуской?

При планировке я бессовестно упустил этот тонкий момент, за что нещадно корил себя впоследствии – тем более что простого, без вмешательства грубой силы, решения мне найти не удалось: установку камер я даже не рассматривал, считая их подлым посягательством на ту жизнь, столь существенно отличавшуюся от повседневной, которую мои посетители ведут за трапезой и приятными разговорами. Другой вариант – хитрая система зеркал – превращал комнату в бесконечный коридор, одновременно раздражающий и

гипнотически-притягательный. В итоге, скрепя сердце, пришлось принять довольно очевидное решение: уплотнив стенку, вставить в неё широкое стекло, кажущееся сидящим в зале зеркалом – такими же стёклами «Феникс» отгородил своих посетителей от назойливого взора внешнего мира. Для того, чтобы контролировать происходящее в зале, этого оказалось вполне достаточно, и уверенность вернулась ко мне. Насладиться ею в полной мере мешали уже вышеупомянутая досада на собственную недалёковидность и отрицательное соотношение степени важности этой стенки и сил, вложенных в её: являясь абсолютно декоративным элементом, она отняла у рабочих примерно треть от того времени, которое было потрачено на обустройство помещения в целом. Думается мне, что чужое внимание льстит ей: даже сейчас я умудрился во всех красках описать её историю. Посему я позволю себе напоследок поддеть её самолюбие – и больше ни слова: эта кровопийца на деле даже стенкой называться не может, ибо стоит, не доставая до других стен – так, перегородка!

Зато благодаря этому в «Фениксе» на два прохода больше – как Вы, думаю, уже поняли, эти проходы находятся в разных концах помещения, давая посетителю возможность самостоятельно выбирать маршрут – и если первый предсказуемо и прямолинейно ведёт Вас с порога в зал, то задача второго намного более утончённая, требующая особого подхода. Он даёт возможность добраться до дамской и

мужской комнат, не огибая при этом стойку, одновременно скрыв пункт назначения и от глаз из зала. В отличие от предыдущей злополучной истории, для Вас ставшей, наверное, притчей во языцех, идеей оформления этого прохода я горжусь, жалея лишь о том, что мне вряд ли доведётся услышать комплимент за столь блестящее и элегантное решение. Не желая создавать на пути спешащего человека помехи вроде подобия лабиринта из дверей или заклинившей раздвижной конструкции, я остановился на двух тёмно-фиолетовых плотных тканевых ширмах, которые одновременно скрывали от наслаждающегося едой зала те помещения, которые не были предназначены для возбуждения аппетита, и облегчали путь страждущему, свободно пропуская его без риска запутаться и выдавать свои намерения залу.

Последней деталью интерьера, которую я хотел бы выделить, являются лампы, регулирующие по высоте. Утром я убираю их, давая посетителям возможность насладиться солнцем, удобно восходящим чуть сбоку от окна и не бьющим в глаза, вечером же опускаю пониже, не отказывая себе в удовольствии создать интимный нуарный полумрак, часто дополняемый сигаретным дымом, который клубится у стойки, а на входе в зал перехватывается кондиционером

С точки зрения дизайна «Феникс» разделён на две части: «Огненную» и «Прохладную»: то есть, зал и стойка соответственно. В первой преобладают солнечные цвета: красный, жёлтый, оранжевый. Красная обивка диванов, жёлтые сто-

лики, на белой плитке зала кое-где выложены геометрически неправильные, разные по размеру кружки солнц... Здесь всегда горит огонь, но он не опалает Вас – нежное, доброе пламя греет душу и насыщает тело.

В «Прохладной» части всё несколько иначе: плитку заменили синие обои на стенах и деревянный пол в тон стойке из тёмного дуба. Здесь горячие души могут выпустить пар, а те, кто замёрз – согреться лучшими видами алкоголя.

С дизайном мне помогал брат, который в то время уже нянчил внуков, а потому смотрел на мир несколько шире. Именно ему пришла в голову идея назвать закусочную «Фениксом» и даже вывеску: надпись «Феникс», над которой, обдавая её пламенем, парит огненная птица, также вешал лично он. Узнав, сколько раз арендуемая площадь могла сгинуть в пропасть, он ни секунды не колебался и убедил меня, что ассоциация с вечноживущей птицей будет вселять в сердца людей надежду, заставляя их неосознанно возвращаться снова и снова.

Надеюсь, и Вы к нам вернётесь – но это в будущем, а пока устраивайтесь поудобнее, я расскажу Вам удивительную историю, случившуюся с этой закусочной; историю, загадки которой я до сих пор не в силах разгадать. Быть может, Вам удастся?

Понедельник

МОНОЛОГ СЕРГЕЯ

У него была привычка поджимать губы, когда он задумывался о чем-то, короткие русые волосы и низкий, негромкий голос. Спиртного Сергей не пил: то ли потому, что не любил, то ли из-за того, что заходил либо с утра перед работой, либо вечером заезжал на машине: старом синем пикапе «Додж», привезённом лично Сергеем из Америки, куда он в середине девяностых переехал. Сколько точно Сергей там пробыл, я не знаю, но в Россию он вернулся 10 лет назад. Он не был похож на человека, подверженного сентиментальной тоске по Родине – похоже, у него просто были свои причины уехать. Вообще, он, судя по собственным рассказам, немало поездил по миру: США, Германия, Голландия... Один раз он даже показывал коллекцию магнитов, среди которых особенным был кубинский, представлявший из себя крышечку из-под Кока Колы.

– Всего день пробыл там, – смеялся он, закуривая, – а запомню на всю жизнь. Но о вот причинах особенности именно этой поездки почему-то умалчивал.

Может, дело в этой самой коле: брал он её в дополнение ко всему, будь то тарелка супа с бобами, яичница или овсянка: «Колу и побольше льда в неё» – фраза следовала постскриптумом к каждому заказу. Пил он её большими глотками, наслаждаясь и посмеиваясь из-за пузырьков, щекотавших ноздри, а ледышки, не успевшие растаять, после сгрызал, если до работы ещё оставалось время: а времени у Сер-

гея вечно не хватало.

Он не задерживался на одной работе подолгу: точнее, он просто работал на разных «халтурках», которые требовали лишь периодической занятости. Пролистывая газеты, я пару раз наткнулся на объявления, в которых он предлагал услуги мастера на все руки, однако не нужно обладать феноменальными навыками дедукции, чтобы понимать, что в наше время доверие к подобного рода мастерам, работающим на себя, а не от имени какой-либо фирмы, крайне мало, тем более, в крупных городах. Следовательно, подобный вид занятости сам Сергей воспринимал как некую «подушку безопасности» на случай полного отсутствия денег и возможности их заработать.

Грузчик, водитель, кладовщик, слесарь, электрик – подрабатывая то в одной, то в другой конторе, он брался за любое дело, которое требовало одновременно светлой головы и сильных рук. Если же выдавалась возможность, он стремился освоить новые ремёсла: так, не обладая, по собственному признанию, знаниями устройства компьютеров, он почти полгода проработал мастером по ремонту соответствующей техники, попутно научившись ремонтировать современные гаджеты, вроде смартфонов и планшетов, чем также периодически зарабатывал.

Близко с ним я знаком не был, не навязывая общение молчаливому Сергею, однако постоянная смена работ, требовавших умения работать в команде с кем-то и быть эффектив-

ной частью системы компании, выдавала его неуживчивость и обособленность, которые зачастую подразумевают под собой скверный характер и сварливую упёртость. Тем удивительнее было видеть Сергея уборщиком в общепите или продавцом-консультантом: отсутствие вакансий и пустой кошёлёк гнали его на эти скучные, ненастоящие, как он говорил, профессии, тем не менее, нужные кому-то и позволявшие ему самому перебиваться. Гордый, он, однако, не скрывал ни тяжесть своего положения, ни презрение к делу, позволявшему из этого положения выйти: тем лучше для всех, что подобные прецеденты не повторялись уже около 3 лет. Насколько я понимаю, он оброс связями и заслужил репутацию проверенного и умелого работника.

Мы познакомились 6 лет назад, когда я затеял ремонт в «Фениксе»: Сергей занимался проводкой, и, будучи ответственным мастером, поначалу просто заходил проверить, всё ли работает должным образом; после чего такие визиты вошли у него в привычку: по его же словам, закусовая была островком стабильности в его непредсказуемой жизни – к слову, именно Сергею принадлежит красивая фраза об особенностях «Феникса», которую я упомянул ранее. С тех пор хотя бы раз в неделю он выкраивал в своём графике полчаса времени на приём пищи с колой и короткую, ни к чему не обязывающую беседу, в ходе которой мы оба узнавали что-то новое о жизни друг друга и обменивались новостями.

Общением подобные отношения точно не назовёшь – в

конце концов, они завязываются с каждым посетителем любой небольшой закусочной, если он ходит в неё с определённой периодичностью, однако Сергея я для себя выделил особенно. Мне нравились по-хорошему простые, упорные люди, зарабатывающие свой хлеб честным трудом.

О своей жизни в Штатах он говорил редко, только если это приходилось к слову. Я знал лишь то, что уехал он вместе с дочерью, которая впоследствии вышла замуж за местного. Кем он работал там, я не знаю, но, по его словам, времени и денег не просто на жизнь, а даже на вышеупомянутые путешествия, у него вполне хватало. Сергей как-то признавался мне, что ему всё равно, в какой стране он будет жить и в какой ему придётся умирать, и я понимаю причину: неприспособленные, но работающие люди вроде Сергея будут чувствовать себя комфортно в любой точке земного шара.

Сравнением русских и американцев он не занимался, а потому непонятно было, рад ли он своему возвращению, или тоскует по загранице. Думается мне, что он просто не замечал различий, которые они не мешали ему работать, а будучи бессильным исправить то, что мешало, не сотрясал зря воздух. Лишь однажды он позволил себе подметить несоответствие в укладе жизни двух народов:

– Там, – сказал он, задумчиво глядя в окно и вытирая салфеткой губы, – всё делается обстоятельно, без спешки, но при этом все всё успевают; у нас же нужно торопиться даже тогда, когда время ещё есть – и даже так ты всё равно опаз-

дываешь.

Словно уравнивая эту свою вечную спешку, разговаривал он так, как разговаривают старые люди: растягивал слова, усложняя предложения вводными и причастиями, подолгу обмусоливая мысли, непосредственно сути разговора не касавшиеся: мне до сих пор кажется, что именно поэтому у него не заладилось с девушками после развода (наличие дочери подразумевало жену, а о ней мне слышать не приходилось): девушки не любят относительно молодых стариков, брюзжащих только о важных вещах. Впрочем, это могло быть связано с банальным отсутствием у Сергея интереса к делам сердечным и огромным количеством работы.

Однако сегодня я заметил странность в его поведении. Было видно, что Сергей никуда не торопился: тарелка его, обычно опустошавшаяся за три минуты, сейчас была отодвинута на середину стола, огромный бокал с Кока-Колой также был практически не тронут. Телефон, пачка сигарет, записная книжка – всё лежало в стороне, и Сергей наслаждался запахом жареных яиц и бекона, лениво глядя в окно на душную улицу, мечтая или вспоминая что-то. Неожиданно он дёрнулся, прислушался и попросил сделать колонки погромче: я, погружённый утреннюю дремоту, совсем забыл про музыку.

Играла «Скорость» Мумий Тролля: странно, как это «Русский рок конца века» просочился в «Утренний» плейлист! Впрочем, Сергею было наплевать – подперев подбородок ру-

кой, он кивал в такт музыке, негромко подпевая визгливому Лагутенко.

Я не стал менять диск, и, раз уж Сергей сейяас не нуждается в нашем с Вами пристальном внимании, а новые посетители пока не подошли, скажу пару слов про эти самые плейлисты.

По радио частенько крутили низкопробные поделки сомнительной ценности, один и тот же исполнитель надоедал, если включить его альбом целиком, поэтому я решил ставить в «Фениксе» музыку, которую готовил заранее, сортируя песни со всего мира по тому или иному признаку. У меня были «Тяжёлый», «Меланхолический», «Вечерний» и «Танцевальный» плейлисты, были плейлисты имени Моррисона и Морриса, были «Экзотический» и «Классический», имелся даже плейлист «Под пиво» – тысячи их! Если в мире происходило какое-либо событие, которое было настолько масштабным, что весть о нём доходила даже до нашего города, я готовил плейлист и под него: так, имелись «Футбольный» плейлист в честь Чемпионата Мира, «Ирландский» плейлист, игравший в День Святого Патрика, «Космический», который звучал в дни затмений или полнолуний.

Сегодня с утра я разрывался между «Пеклом», подчёркивавшим погоду, и «Сонным», который точно описывал состояние и «Феникса», и посетителей, и города в целом: утро понедельника! Но в итоге, погнавшись за двумя зайцами, поставил то, что поставил – главное, что Сергею это нравилось,

и он, прикрыв глаза и развалившись на диване, с наслаждением слушал музыку, барабанил пальцами по столу.

Посидев так ещё немного, он принялся за еду, управившись с ней с характерной скоростью, после чего рассовал разбросанные по столу вещи по карманам, взял в руки отполированную с помощью хлеба тарелку, отнёс её мне, а затем, вернувшись в зал за колой, уселся на стул у стойки и закурил.

– Дождь бы, – прищурившись, он кивнул на улицу, – а то спечёмся.

– И не говорите, – я закатил глаза и выдохнул, изображая изнеможение.

– Впрочем, говорят, что это ещё цветочки – к четвергу-пятнице поджарит так, что мало не покажется!

– Весёлая, значит, предстоит неделька, – усмехнулся я.

– Да что неделька!

Сергей поднял указательный палец вверх и многозначительно протянул:

– Месяц, выпавший началом на понедельник, лёгким не будет.

– На всё Божья воля, – усмехнувшись, я начал протирать стакан.

– Вы правда так считаете? – Глаза Сергея буквально впились в меня.

Вопрос был мне понятен, как и то, что ответ на него был известен Сергею: внезапно я осознал, что в первую очередь для него важна попытка озвучить все мои мысли, придав

форму той неопределённости, которую в моей душе формировали знания обо всём, что касалось Бога. Несколько напуганный внезапностью момента, я поставил стакан под стойку и попытался сформулировать свой ответ.

Верил ли я в Бога? Честно говоря, я никогда особо над этим не задумывался. В детстве, будучи деревенским мальчишкой, я конечно слышал о Нём от стариков и матери, но в церкви бывал два-три раза в год, по особым поводам; всё как-то не было времени сесть и разобраться лично для себя: жизнь требовала усилий, раннего подъёма и позднего, за полночь, отбоя. Если же сужать вопрос до отношения к религии, то я всегда одобрял людей, которые делают добрые дела, не выпячивая свою принадлежность к той или иной конфессии, и всегда порицал тех, кто творит зло, прикрываясь священными словами, или же топчет в грязи заповеди. В конце концов, мне всегда казалось, да и сейчас кажется, что Бог – это нечто большее, чем Ад и Рай, чем грех и добродетель; Ему, Архитектору Вселенной, нет дела если не до всего человеческого муравейника, то до отдельно взятого меня точно. Отец научил меня во всём полагаться на семью и себя, и я от этого не отступал и не отступаю до сих пор, давая тем самым Богу отдых и возможность ниспослать благо кому-то другому.

Я не помню, точно ли эти мысли и в таком ли порядке я высказал Сергею, но сразу понял, что их ход ему близок и понятен, более того, он, обрадованный схожему складу ума,

вылил мне всё, что думал по этому вопросу, а также по смежным с ним моментам. Это, своего рода, предупреждение, я заранее помещаю перед его монологом, разбавленным моими редкими вставками, чтобы у Вас не сложилось о Сергее неправильного мнения, поскольку я, например, на секунду подумал, что он, закончив разговор о Всевышнем и космосе, начнёт предлагать мне соответствующую литературу за скромное вознаграждение – не знаю, почему эта мысль вообще пришла мне в голову, но, так как мы никогда не беседовали на настолько личные темы, да и с деньгами у Сергея проблемы имелись... Короче говоря, не пугайтесь громких слов, которые прозвучат в этом монологе, как испугался их я, и как пугаюсь, пожалуй, до сих пор, размышляя о судьбе своей закуской, к которой, как мне сейчас, после всех описанных ниже событий, кажется, этот монолог имеет самое непосредственное отношение.

– Приятно знать, – начал он, смочив горло колой, – что есть люди, которые допускают существование двух сторон у монеты. Мне чаще попадаются другие, однополярные: будь то ярые приверженцы – не называя имён – многих религий и верований, или же противники оных. Их проблема в том, что они, рассуждая над буквами в книгах, не хотят взглянуть на этот вопрос шире, и вместо споров о субъективном попытаться найти...

– Ответ, – пришёл я ему на помощь после того, как он замялся, уставился в потолок и стал щёлкать пальцами, словно

призывая убежавшее из памяти слово обратно в черепную коробку.

– В том-то и проблема, что не ответ, именно, что не ответ! Я хотел упомянуть об этом позже, но кратко изложу сейчас: ответа ищущий не получит, поскольку он лежит за чертой! – Сергей сделал страшное лицо, как бы говоря о значимости этой загадочной черты. – Все эти споры, возгласы, утверждения – суета, субъективная, малозначительная суета, отвлекающая наш и без того скудный разум от вещей, которые постижимы, но вместе с тем приемлемы для обеих сторон в качестве решения. Да, они ограничены и не дают однозначного ответа, но разве можем мы претендовать на что-то большее?

Если бы я распорядился этими вещами, я бы предоставил человечеству ещё меньше, чем оно имеет сейчас: вы только взгляните на тех, кто мнит себя носителями истин! Суеверные, переменчивые, дикие; мы отделили знания от веры, заковав последнюю в кандалы религии, сделав её бизнесом, используя её как *casus belli*, мы оправдываем существование будущим блаженством, в которое верим только потому, что боимся умереть! Люди натравили религию на науку, постулатами тысячелетней давности ограничивая возможность прорыва вперёд: за это ли давать знания о природе вещей?

И сразу же об обратной стороне: не прожив и миллиона лет, не покинув пределы крохотной в масштабах даже нашей галактики Солнечной системы, мы отрицаем силы, стоящие за вещами, которые мы видим повсеместно и не вос-

принимая их, как нечто большее, чем видимость. Нам говорят о чуде, но не чудо ли – эта сила притяжения? Не чудо ли – небо, которое предстаёт перед нами голубым полотном, не являясь при этом таковым? Сама наша жизнь, наше тело, мысли в нашей голове – не чудо ли это? Наука объясняет эти чудеса, заставляя нас смотреть на них как на данность, но она не имеет представления о первоисточнике, с которого всё и началось.

Вообще, Бог – понятие гораздо более научное, чем считают недалёкие критики, сведушим же учёным это известно. Проблема в том, что произнося это слово, мы упускаем огромное количество факторов и значений, которые оно в себе несёт. Мы пытаемся описать одним словом то, что глобальнее всего, что когда-либо было и будет на нашей планете. Такой подход свойственен при ограниченности знаний о предметной области: не имея точной информации, мы размазываем понятия, предпочтя острым углам столкновение с собственным несовершенством. И, если наука не стыдится признать себя бессильной в той или иной области, то люди религии же не стыдятся собственной твердолобости, предпочитая обманывать самих себя в вопросах, требующих белого флага в качестве решения. Вместо этого следуют размытые формулировки и двоякие постулаты, оправдываемые своей святостью и неприкосновенностью. А я не понимаю, чего плохого в желании прикоснуться к ветхим, отжившим своё страницам и внести ясность, не ущемляя сути, про ко-

тору, между прочим, все уже давно и забыли, предпочтя мыслям о ней споры о правильности подхода к пониманию мира.

Многие люди, имеющие отношение к религии, обвиняли меня в преступной слепоте, но я всё же свято верю в то, что смотрю на вещи гораздо более ясным взглядом, чем они. Отходя от привязки Бога к человеку, я расширяю Его власть, которую люди ограничили земным шаром и видимыми звёздами, распространяя её на всё гипотетическое время и пространство Вселенной: расширяя вместе с тем и понятия, связанные с Его именем.

Вот пример: понятие смертного греха, являющееся, как почему-то многие считают, единственной причиной, по которой человек не должен жить, как свинья, устарело: зажатое в тиски формулировок, оно не отражает сути, не наставляет, а устрашает. Разве ребёнок должен вести себя хорошо не для того, чтобы вырасти хорошим человеком, а для того, чтобы его не поставили в угол? Разве человек должен жить по-человечески не потому, что он человек, а не животное; а потому, что иначе его ждут вечные мучения? Разве при таком воспитании может получиться хороший человек – в обоих случаях? Взращённый в страхе, он будет жить с этим страхом в душе, а страх рождает злобу, ненависть – и разве это не грех? Кроме того, в общепринятой форме существующее понятие допускает двусмысленность, которая порой доходит до абсурда.

Поэтому я считаю правильным понимать под грехом то, что несёт Хаос в этот мир. Почему так? Вселенная не могла появиться из неоткуда, во-первых, а во-вторых, её нынешнее, тяжелое для нашего понимания устройство, так или иначе – и с этим согласится любой циник и критик – подчиняется определённым, опять же непонятным нам, правилам. Если мы ставим Бога в центр мироздания, то получается, что мы соглашаемся с тем, что правила эти написаны Им. Следовательно, противоположность и нарушение этих правил – хаос. Таким образом, если мы примем эту концепцию понятия «грех», то мы уберём двойные стандарты вроде убийств, которые на войне и в быту разнятся, и сделаем их такими, какими, на мой условный взгляд, Господь задумывал их.

Скажем, если мать украдёт в магазине мандарин, чтобы накормить и порадовать ребёнка, хаоса не будет, ибо улыбка младенца важнее десяти-пятнадцати рублей, которые каплют в карманы олигархов. Но если же олигархи украдут миллионы на строительство, скажем, детского сада и построят себе виллу, то это и есть Хаос, и да пусть сгорят они в Геенне Огненной. Вот, пожалуйста, я убрал спорные моменты из базовых, что называется, вещей, не попирая при этом сути – истинной сути, которой вера лишилась, попав в кандалы религии. Грешны вещи, несущие Хаос, ибо Бог есть противоположность Хаосу и противник Хаоса. Написанные же грехи не есть правда, ибо можно найти ситуацию, в которой грех таковым не будет.

Воистину вера есть спасение человечества и воистину религия есть его опиум, ибо вторая упрощает идеи первой, делая их приемлемыми для человека безвольного и лишённого права думать головой, но при этом совершенно абсурдными для человека мыслящего.

Предпочтя непостижимую истину писанным, мы упрощаем истину: ту руку, которая однажды написала на листке все эти уравнения, задав ход механизму Вселенной.

Вы скажете, что все эти процессы, родившие как Вселенную, так и нас с Вами, могут на деле оказаться совпадением, более того, Вы даже можете быть правы – в том смысле, что за сотворением ничего, кроме факта сотворения, не стоит – но нужно быть идиотом, чтобы отрицать, что тысяча совпадений рождает закономерность.

– Я поясню, – он достал из кармана джинсов монету, подкинул её и, позволив ей звонко упасть, долго смотрел, как она крутится на полу.

Она прекратила своё вращение одновременно с игравшей в тот момент песней, и в зал ворвалась тишина. Сергей не спешил узнать результат броска, спокойно потягивая колу и словно приглашая посмотреть на монетку именно меня, что я и сделал, перегнувшись через стойку.

– Орёл, – я взглянул на него, ожидая привязки результата этого испытания к чему-то глобальному, однако лицо Сергея было непроницаемо.

– Ну, вот. В следующий раз будет решка. Или нет. Тысяча

бросков – тысяча результатов, однако закономерности в них нет, закономерность находится в сочетании тысячи разных операций, дающих один результат, а не наоборот.

Он поднял глаза:

– Монета падает орлом или решкой, она выкована... Для упрощения скажем – из железа. Железо лежит в земле, земля находится на планете, планета – в системе, система – в галактике, галактика – во Вселенной. Пройдя до этого последнего шага, мы можем обнаружить тысячу мелочей, благодаря которым всё это существует – или без которых не может существовать. Тот или иной физический постулат, химическая формула... Здесь нет общих мыслей и идей: только холодная, идеальная в рамках собственного закона система. Что же, она строится на совпадениях? Мне кажется, что когда мы говорим о монетке, совпадения могут иметь место, но когда речь заходит о галактике, в которой монетка бросается, они уходят на второй план, уступая место продукту миллиона себе подобных – закономерности.

Нужно быть идиотом, веря в мужика на небе, но вместе с тем, нужно быть большим идиотом, чтобы отрицать ту силу, которая причастна к каждому моменту нашего существования. Я не говорю о влиянии этой силы на нашу жизнь или судьбу – я просто не имею права заявлять об этом: хотя, конечно, тот, кто помнит Вселенную до того, как она сформировалась в том виде, в котором её представляют себе учёные, обладает достаточным могуществом как для того, чтобы не

обращать на наши ничтожные жизни внимания, так и для того, чтобы предначертать судьбу каждого из нас. Так или иначе, истинные мотивы, если они вообще есть – в голове у того, кто ведаёт законами гравитации и энергии. Всё, что вокруг нас – есть эта энергия, а энергия не берётся из неоткуда и никуда не исчезает. Таким образом, мы приходим к очевидному – начало существования Вселенной было положено великой силой, и то, было ли это случайностью, имеет ли это всё какой-либо план и причастны ли мы, маленькая планетка из Солнечной системы на отшибе огромной галактики, зависшей среди тысяч себе подобных; мы, люди – причастны ли мы к чему-то большему, чем существование, включающее в себя рождение, школу, работу, кредиты и смерть: мы не узнаем.

Эти вещи ушли далеко за пределы человеческого понимания, ибо наши знания, ограничены переменной, в которую наш род, прошлый и грядущий, вогнали. Переменная отвечает за определённый набор данных, и знание функции, знание алгоритма решения, знание значения этого решения для нас необязательно и опасно, вредно.

Повисло молчание. Сергей закурил сигарету, я долил в его бокал колы и принял заказ у новоприбывших посетителей. Было видно, что эти мысли копились у Сергея в голове не один год, и что он сам несколько смущен из-за сумбурности и откровенности высказанного. Я было думал, что он соберётся и уйдёт, однако, стоило мне возвратиться за стойку по-

сле того, как я отнёс завтрак за только что занятый стол, он, сделав большой глоток из бокала, продолжил:

– Нас приучили к двум сторонам пресловутой монеты, хотим мы в неё верить или нет. Мы привыкли к тому, что есть добро и зло, чёрное и белое, согласие и несогласие, знание и незнание. Для нашего мирка, вещи в котором строго поделены на положительные и отрицательные, а ответы на возникающие вопросы даются исходя из этой шкалы, удивителен и неприемлем факт не просто не получения ответа, а изначальной невозможности его узнать.

– Абсолютная невозможность? – серьёзно, без иронии, спросил я, заинтересовавшись ходом его мыслей и пытаюсь вникнуть в суть посылы.

– Абсолютная, – эхом отозвался Сергей, не отвечая, а именно копируя мою фразу. – Абсолютизм встаёт преградой на пути человека к познанию, являясь лишь одной из многочисленных и непреодолимых преград.

Парадокс Вселенной, а вместе с ней и Бога, и Земли, и людей, заключается в том, что не существует ничего абсолютного – и даже эта фраза подчиняется этой формуле, по сути, опровергая сама себя.

Абсолютное зло? Пожалуйста – моей бабушке было 5 лет, когда немцы подошли к Москве. Она жила в деревне, в которой как-то раз заночевал немецкий отряд. Проснувшись в ту ночь, она хотела тихонько прокрасться в хлев, но споткнулась о ногу одного из солдат, спавших на полу. Абсолютное

зло, да? Но что мы видим – воин зла не просто не рассердился на девчонку, потревожившую его сон, но успокоил её, видя застывшие в глазах ребёнка слёзы, и в знак примирения дал ей плитку шоколада из своего пайка.

Но бабушка не могла его простить – её отец, мой прадед, погиб в первые дни войны. Нет абсолютного зла, нет абсолютного блага. Нет «никогда» и нет «всегда», нет «всего» и «всех»: Вселенная не признаёт таких относительный величин, как время и количество. Нет Абсолюта – и в этих словах тоже.

Возвращаясь к теме Бога, то именно этой несостыковкой в имеющихся у человека знаниях об совершенных вещах, этим будто бы нарочным разногласием можно воспользоваться, говоря о Высшем разуме – заметьте, о фактическом его существовании, а не о том, каким мы его видим в кривых зеркалах книжных источников.

Услышав, как входят новые посетители, Сергей достал из пачки ещё одну сигарету, словно приглашая меня начать перекур, потратив его на осмысление только что высказанного. Я же, не теряя времени даром, по возвращении к стойке задал, несколько повысив тон – к чему меня подтолкнули масштабность обсуждаемых вопросов и личная заинтересованность в них – несколько очевидный и вытекающий из логики разговора вопрос.

– Смысл жизни? – Сергей, ещё не докуривший, задумчиво выпустил дым из ноздрей. – А вот это, как по мне, вещь сугу-

бо субъективная. Мы в ловушке: наше восприятие упёрлось в 5 чувств, а наши знания не позволяют нам летать дальше, чем на Марс. Безграничная же Вселенная не будет подстраиваться под наше понимание времени и ощущение трёх измерений, вмещая в себя как наше ущемлённое сознание, так и вещи, которые ему не под силу. Что есть наша жизнь даже не для Вселенной, даже не для Млечного пути – для нашей крохотной системы? Что есть наша жизнь для незнакомых с нами миллиардов? Кому, кроме нас самих, наших близких и друзей, а также государства, она важна? Мы настолько ничтожны, что Вселенной проще было бы опустить факт нашего существования, чем вмещать в себя, помимо и без того надоедливых политиков, террористов и лжецов, ещё и смысл людских жизней!

Естественно, гордые фактом наличия сознания, возвышающим нас над царством животных, мы не можем признать этого, придумывая всё более красивые легенды, но истинное значение всего этого цирка под названием «Планета Земля», сокрыто там, где нет времени; оно спрятано во фрактальной трубке параллельных Вселенных, где сливаются воедино прошлое и будущее, там, в тени чёрных дыр, покоится сила, однажды сотворившая этот мир, а также тысячи других миров, и вот она-то знает, есть ли у нас смысл: если, конечно, она есть и есть именно там. Мы никогда не докажем и не опровергнем эту и многие другие вещи, лежащие далеко за гранью человеческого восприятия. Мы не сможем сделать

это, даже если вложим все знания за все годы жизни человека на земле в одну голову, потому что у этих знаний, а также всех, что появятся впоследствии, есть свой предел, за которым – неизвестность.

Словно желая уравновесить каким-нибудь глупым поступком чрезмерную серьёзность момента, он языком схватил кусочек льда и принялся громко жевать его, одновременно пожимая плечами:

– Знаете, почему государство никогда не начнёт поощрять подобные теории? Они ведут к кризису жизни человеческой, они ставят в тупик, раскрывая ужасную правду об эфемерности наших представлений о смысле существования. Ничтожность в масштабах космоса будет гнать человека под колёса поездов, на крыши высоток – людей охватит паника. Именно поэтому индивид может позволить себе то, что обществу в целом лучше не делать: признать никчёмность собственной жизни. Государству же, для поддержания своей жизнеспособности, нужны люди, а значит, нужна идеология, нужны ориентиры, нужно то, ради чего винтики в его системе будут работать исправно.

Поэтому-то люди и живут, как жили, словно это за собой что-то влечёт. Мы верим в судьбу, которую, впрочем, не можем опровергнуть – ведь никогда не узнаем, было ли произошедшее с нами предначертано свыше или было создано нашими руками: второй раз нам к этому не прикоснуться, что, может, и к лучшему. Впрочем, я, исходя из тех же про-

стных правил, выведенных физиками, считаю, что у каждого действия есть противодействие, и что это правило объясняет суть того, что люди понимают под судьбой, в упрощённом виде: совершая определённые поступки, мы столкнёмся с определёнными последствиями.

Ладно, это стороннее, главная мысль этой неудобной для масс правды в том, что нас учат не задавать вопросы. Почему?

Начав однажды задавать вопросы, Вы уже не остановитесь. Однажды взглянув в ночное небо так, как никогда не глядели, вы не сможете удержаться и оторвать взгляд.

Вы обречены, ибо ответов вы не найдёте. Даже если сложить умы всех когда-либо живших на планете людей, мы не сможем найти объяснение тому, что лежит за гранью нашего понимания. Вода не может не закипеть при ста градусах, подкинутое в воздух яблоко не повиснет в нём, если Вы находитесь на Земле, конечно, потому что в космосе оно не может не повиснуть – так и человек не может осознать себя и своё место в мире. Мы можем предполагать, мы можем строить иллюзии, мы можем признать эту безнадежную неизвестность – но мы никогда не выйдем из тёмной комнаты нашего незнания, ибо космос бесконечен или около того, и к тому моменту, когда наше разумение подберётся к предполагаемой истине, она будет в другом измерении или в другом уголке Вселенной.

Поэтому не задавайте вопросов. Вы не получите ответа, а

если ещё и сильно впечатлительны – сойдёте с ума. Живите и получайте удовольствие от своей жизни – ибо страдание не окупит себя, и вы растворитесь в черном мазуте космоса зазря.

Тут он, обхватив рукой подбородок и уставившись мимо меня на полку с алкоголем, изрёк:

– «И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость; узнал, что и это – томление духа. Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». Это одна из немногих фраз людей религии, в которую я верю так же, как и в физику или биологию. В ней – секрет счастья.

Выдержав паузу, в течение которой я отнёс заказы в зал, я недоверчивым тоном спросил:

– Неужели человеку для счастья нужно так мало? Если да, то отчего все эти конфликты, страдания, поиски – раз нужно просто не задавать определённых вопросов?

Сергей рассмеялся: то ли его позабавил мой подозрительный вид, то ли он был доволен, что я задал правильный вопрос:

– На самом деле, есть ещё несколько правил, ежедневно следуя которым Вы и правда почувствуете себя счастливым, даже если периодически Вам в голову приходят всякие странные мысли. Нужно ведь всего ничего: ложиться и вставать в одно и то же время, лучше так, чтобы отбой был не позже одиннадцати вечера, а подъём не позже девяти утра;

хотя бы час в день тратить на прогулку, в процессе работы не забивать голову промежуточными мыслями и не думать о деле, которым не занят непосредственно, если это не касается его планирования. Также важно не заниматься несколькими делами параллельно и регулярно есть.

Я рассмеялся:

– Всё стало ещё проще! Вам нужно написать книгу и рассказать, что счастье человеческое, оказывается, в регулярном сне и правильном питании!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.